

Не в вере дело

Ученые нашли истоки толерантности белорусов

Разная конфессиональная принадлежность никогда не мешала гражданам Великого княжества Литовского быть добрыми друзьями, соседями, создавать семьи и при этом оставаться верными своей религии. Церкви стояли рядом с католическими храмами и синагогами, а в один и тот же день могли праздновать День Святого Михаила и Симхат-Тора. Хотя при всей толерантности, пусть и ненадолго, было место и внезапно возникающим, как в середине XVII века, конфликтам. Какими были конфессиональные взаимоотношения тогда? Да примерно такие же, как и сейчас, заверяет старший научный сотрудник Института истории Академии наук Анастасия Скепьян. Наши люди, их эмоции и поведение за сотни лет сильно не поменялись.

Если бить, то по больному

— Сегодняшние друзья завтра могут стать худшими врагами, как мы видим на примере той же Югославии, которая была многонациональной страной. Хотя на территории ВКЛ ярковыраженных конфликтов на религиозной почве никогда не было. Вот стычки — да. Потому что сосед соседом может быть недоволен. И в первую очередь это будет выливаться в самое больное. А поскольку в тот момент основной идеологией была религия, которая объясняла мировоззрение человека, устройство его жизни, традиции, это и было самой болезненной темой.

Первые такие конфликты появились к концу XVI века. Мотивы? Политические либо общественные. А ведь это — время массового перехода в протестантизм. Так что конфликты были очевидными. Православные и католики могли быть недовольны тем, что протестанты занимают большинство важных должностей. Они тогда попытаются вернуть политическое влияние, чтобы дискредитировать соперников, напирая на их вероисповедание. Либо наоборот, когда королевский двор подчеркнуто проводит прокатолическую политику, не давая ни одной должности ни православному, ни униату, ни протестанту, это будет вызывать враждебность к католикам. Либо когда священники-униаты пытаются насильственно захватить какое-то имущество или не дать проводить богослужение представителям других конфессий, это будет вызывать отторжение. Конфликты с еврейской диаспорой зачастую лежат в экономической плоскости. Например, когда решался вопрос, кто будет арендатором той же корчмы. Предпочтение отдавалось еврею, поскольку он традиционно связан с финансовой сферой и лучше представляет, как вести финансовые дела, нежели христианин. А христианин видел в этом ущемление собственных прав.

— То есть большого противостояния не было?

— До тех пор, пока сюда не пришли казаки, которые принесли знамя религиозной войны. Они пропагандировали: кто не православный — враг априори. А казак — защитник православия. Для них врагами были и униаты, и католики, и евреи. Они несли волну уничтожения всего населения, которое не разделяет их убеждения. Хотя в целом казацкая старшина проводила более взвешенную политику, обещая поддержку тем, кто поддерживает их. Но это дало возможность недовольным на местах, в первую очередь мещанам, поднять городские восстания и начать громить своих врагов. Когда сосед пошел на соседа, это привело к еще большему размежеванию. Это середина XVII века, казацко-крестьянская война.

Потом под лозунгом защиты православия приходят московские войска. Православные жители их поддерживают в надежде на защиту от прокатолической политики правительства. Но оказывается, что защитники, пришедшие сюда, не воспринимают их истинными православными. Доходит до того, что их заставляют принимать веру заново. В это

же время на территорию Речи Посполитой вторгаются шведы-протестанты, которые начинают оказывать поддержку своим единоверцам. В стране нарастает конфликт. В итоге для православного было не зазорно разграбить католический или униатский храм, для протестанта разграбить православный, католический и униатский. Это момент и социального кризиса: жители городов обнищали настолько, что у них уже не было возможности поддерживать общины, братства, школы. Что приводит к исчезновению очень уникального пласта культуры.

XVI — золотой век дружбы конфессий

— Какой период можно считать золотым веком дружбы конфессий?

— Началось все в XVI столетии. Сначала Жигимонт Старый запрещает распространение протестантских конфессий. Даже не выдает паспорта для выезда за границу, «чтобы не привезли». Но уже лет через 10 благодаря жене, которая привечала протестантов при дворе, даже помогла открыть протестантскую школу, проводится мягкая конфессиональная политика. Ее после восшествия на престол продолжает Жигимонт Август, который тоже относится к конфессиям толерантно. Его ближайшими соратниками были протестанты — Николай Радзивилл Черный и Николай Радзивилл Рыжий — братья его любимой жены. Как лидеры протестантского движения на территории ВКЛ, они очень повлияли на распространение этой религии. И, как это ни удивительно, поскольку тогда у нас католиков было не очень много, в основном протестантизм стали принимать православные верующие. Шляхта сначала переходила в протестантизм, и только потом, спустя время, пошла в католицизм.

Когда у шляхты выбор стоял между верой и карьерой, выбирали второе. Для них это было абсолютно естественным процессом, что видно на примере Пинского, Гомельского, Витебского поветов. Золотым временем, когда мы практически не видим религиозных конфликтов, была и вторая половина XVI столетия. Но уже к концу века, когда ВКЛ входит в состав Речи Посполитой, начинаются реформационные процессы, в том числе религиозные, а с ними и противостояние.

— И в те времена, и сейчас религия зачастую окрашена в политические оттенки?

— Взять хотя бы известного исторического персонажа Льва Сапегу, который считается чуть ли не вторым человеком в истории ВКЛ после Ягайлы. Известный факт — он создал наибольшее количество католических костелов. Но ведь первоначально он был православным. А потом принял протестантизм, поскольку в тот момент вся политическая верхушка была протестантской. Но когда к власти пришел прокатолический король, он точно так же сменил веру. Вот такая эволюция религиозных мировоззрений.

Создается четкое впечатление, что в отличие от Западной Европы, где вера была более жесткой, у нас многие постулаты были не приняты либо они не принимались во внимание. Лютеранство или кальвинизм там были более строги и жестки, чем здесь, в чем потом неоднократно в XVII веке упрекали протестантов. Они не придерживались аскетического образа жизни. И это неудивительно, ведь носителями веры была шляхта.

Замужем за «врагом»?

— Откуда такая религиозная мягкость?

— Так сложилось традиционно. В ВКЛ среди христиан никогда не было препятствия в межконфессиональных браках. Были лишь правила, которые оговаривались брачным контрактом. Например, если вступали в брак представители разных конфессий, супруги не имели права вынуждать друг друга менять вероисповедание. Каждый имел право на своего духовника. Кем будут дети? И этот вопрос решался полюбовно. Если рождался мальчик, как наследник традиционно он принимал веру отца, дочь — матери. Нарушения карались высокими штрафами. Поэтому переход в другую религию был только личным выбором или проходил по договоренности. Протестант Криштоф Радзивилл Перун был женат четырежды. Несколько раз на дочерях Константина Острожского, который был православным. Старшая из них была католичкой, и, выйдя замуж за протестанта, веру не сменила. Другая дочь, крещенная в православие, считала себя католичкой. И после смерти даже возник спор, в какой церкви ее похоронить. Отец настаивал на православии, а ее проповедник говорил, что она всю жизнь ходила в костел и просила, чтобы ее похоронили по католическому обряду. То есть зачастую в рамках семьи хорошо уживались представители разных конфессий.

— Эти традиции толерантности сохраняются и сейчас?

— Сложно сказать. Тогда не было понятия национальности. Это хорошо видно у Янки Купалы в «Тутэйшых». Даже в России, если ты исповедовал православие, считался русским, католик — поляк, иудей — еврей. Кстати, достаточно было принять другую веру, чтобы с тебя сняли все ограничения. Так очень многие евреи получали шляхетство и занимали высокие посты в государстве.

Сейчас религия начинает приобретать национальный оттенок. Это для нас религиозные конфликты не очень сильны — мы слишком долго жили бок о бок. И в белорусском языке есть много, например, еврейских слов, которые кажутся нашими родными. Цимес, например, как и фаршированная щука, — традиционные еврейские блюда. Нам многое дало и бывшее советское прошлое, где понятие национальности нивелировалось.

Но как показывает западноевропейская практика, сейчас идет размежевание и по национальному, и по религиозному признаку. Кого согласны принять сегодня многие страны в качестве беженцев? Христиан, а не мусульман, потому что люди из другой религии, и религии достаточно традиционной, не желают адаптироваться, понимать разговор не с позиции силы, а с позиции договора. Кто хочет получить проблемы, как во Франции или Германии?